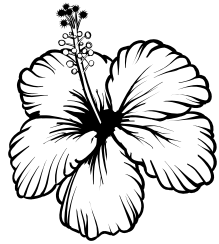

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
«ЗАПРЕТНЫЕ ЧУВСТВА.
СЕНСАЦИОННЫЕ РОМАНЫ
ЭЛИЗАБЕТ О'РОАРК»:

Лето, когда мы пропали

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

ЛЕТО, когда мы пропали

ЭЛИЗАБЕТ О'РОАРК

Freedom
Москва
2024

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
О-69

Elizabeth O'Roark
THE SUMMER WE FELL

Copyright © 2023. THE SUMMER WE FELL by Elizabeth O'Roark

The moral rights of the author have been asserted.

Художественное оформление *Анны Мирюк*

О'Роарк, Элизабет.

О-69 Лето, когда мы пропали / Элизабет О'Роарк ; [перевод с английского О. Сидоровой]. — Москва : Эксмо, 2024. — 480 с. — (Freedom. Запретные чувства. Сенсационные романы Элизабет О'Роарк).

ISBN 978-5-04-197889-1

Я росла без семьи. Отец ушел, когда я была еще совсем маленькой, а мать никогда меня не любила. Мне пришлось пройти через боль и горе. Не в силах что-то изменить, подростком я сбежала из дома. Тогда меня приютила семья пастора.

Люк Тейлор был лучшим другом моего парня и отравлял мне жизнь. Я всегда его ненавидела. Но похоже, что недостаточно сильно. Теперь, семь лет спустя, трагедия заставила нас вернуться туда, где все начиналось. Вспомнить лучшие и худшие моменты, что мы пережили вместе. За эти годы многое изменилось, но невидимая нить, что нас связывает, по-прежнему сильна...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Сидорова О., перевод на русский язык, 2024
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-197889-1

Глава 1

Сейчас

Не так давно я могла пройти по аэропорту незамеченной. Скучаю по тому времени.

Солнцезащитные очки — мой обязательный атрибут на сегодня. Всегда ненавидела это отвратительное «Я звезда!», но лучше так, чем куча комментариев о моей внешности. Благодаря запасу снотворного большую часть пути от Лиссабона до Сан-Франциско я проспала. Но у меня до сих пор голова идет кругом от звонка, полученного прямо перед вылетом... и это наверняка заметно.

Донна всегда была сгустком энергии, жизнерадостной и неутомимой. Не представляю ее другой. Столько людей на планете... Почему это случилось именно с *ней*? Почему людей,

которые больше всего заслуживают жить, забирают так рано? А те, кто заслуживает этого меньше всего, похоже, процветают?

Я дала себе слово, что продержусь еще немного, но впереди у меня как минимум три недели, и конца этим мучениям не видно. Но если я не задумываясь вру всем остальным, то уж точно не собираюсь придираться по поводу лжи самой себе.

Перед получением багажа заскакиваю в туалет освежиться. Под карими глазами синяки от усталости, кожа землистого цвета. Осветленные, будто выгоревшие на солнце пряди, которые колорист добавил к моим каштановым волосам, никого не смогут обмануть и заставить подумать, что последнее время я провела где-то под солнцем, особенно Донну. Каждый раз, когда она навещала меня в Лос-Анджелесе, она говорила одно и то же: *«Ой, дорогая, ты выглядишь такой усталой. Хорошо бы тебе вернуться домой».* Будто возвращение в Родос могло что-то исправить.

Я отхожу от зеркала и сразу замечаю женщину, фотографирующую меня сбоку.

Она пожимает плечами, совершенно не смущаясь.

— Извините. Вы не в моем вкусе, — говорит она, — но моей племяннице вы нравитесь.

Раньше я думала, что слава решит все проблемы. Чего я не осознавала, так это того, что

будет так же тоскливо, как и прежде. Просто теперь на тебя смотрит весь гребаный мир и напоминает, что у тебя нет права грустить.

Я быстро выхожу, чтобы не успеть сказать что-нибудь, о чем потом пожалею, и направляюсь в зону выдачи багажа. До того как я начала встречаться с Кэшем, я не понимала, какой хаос может воцариться, когда публика думает, что знает тебя, — но сегодня толпы нет. Только Донна ожидает у эскалатора, немного похудевшая, но в остальном как будто в порядке.

Она заключает меня в объятия, аромат ее духов с розовыми нотками напоминает о ее доме — месте, где случились одни из самых лучших моментов в моей жизни. И одни из самых худших.

— Тебе не нужно было меня забирать. Я собиралась воспользоваться «Убером».

— Влетело бы в копеечку, — говорит она, не помня или не обращая внимания на то, что я больше не бедное дитя, которое ей однажды пришлось приютить у себя дома. — Когда моя девочка возвращается домой, именно я хочу ее встречать. К тому же... я приехала не одна.

Я смотрю ей за плечо.

Не знаю, как я его не заметила, учитывая, что он на голову выше и шире всех в этом зале. Некоторые крупные парни из кожи вон лезут, чтобы казаться помельче, — сутулятся, улыбаются, шутят. Люк никогда ничего такого не

делал. Он неизменно остается таким, какой есть, — неулыбчивым, здоровым и все такое.

Он выглядит старше, но прошло уже семь лет, так что, думаю, он и должен так выглядеть. Теперь он даже более здоровый, крепкий и скрытный, чем раньше. Его растрепанные каштановые волосы все еще отливают золотом от множества часов, проведенных на волнах, а на обычно гладко выбритом лице недельная щетина. Хоть бы меня подготовили. Хоть бы кто-нибудь предупредил: *«Люк будет там. И ты почувствуешь, что он словно прилив, утаскивающий в море».*

Мы не обнимаемся. Это было бы слишком. Учитывая обстоятельства, не думаю, что он этого хочет.

Он даже не улыбается, а просто слегка приподнимает подбородок.

— Джулиет.

Он совсем взрослый, даже голос у него зрелый — еще ниже и увереннее, чем был. А он всегда был низким и уверенным. Всегда был способен поставить меня на колени.

Кажется, не случайно я только *сейчас* узнаю, что он здесь. Донна знает, что мы никогда не ладили. Но она умирает, а это значит, что мне никак нельзя обижаться на ее мелкие манипуляции.

— Он предложил подвезти, — добавляет она.

Он приподнимает бровь при слове «*предложил*», его руки до сих пор сложены на широкой груди — это четко дает понять, что все произошло не *совсем* так. Это так похоже на Донну — считать нас лучшими, чем мы есть на самом деле.

— Сколько у тебя сумок? — Он уже разворачивается к ленте, готовясь оказать любезность, невзирая на то, как сильно меня ненавидит.

Я встаю перед ним.

— Я сама могу забрать багаж.

Меня раздражает, что он все равно направляется к ленте. Я прижимаю палец к правому виску. Голова раскалывается — эффект от всего, что я вчера приняла, окончательно испарился. И я просто не настроена вести вежливую беседу, особенно с ним.

Я сглатываю.

— Я не знала, что ты будешь здесь.

— Извини, что разочаровал.

Я вижу, что моя сумка приближается, и двигаюсь вперед.

— Я не это имела в виду.

Что я на самом деле имела в виду — *это наихудшая из возможных ситуаций, и я не представляю, как проживу эти три недели*. Думаю, это ненамного лучше.

Я оглядываюсь через плечо.

— Как она?

Его глаза темнеют.

— Я только сегодня утром приехал, но... ты сама ее видела. Сильный порыв ветра свалит ее с ног.

Мне нечего на это ответить. Во всяком случае, чего-то непринужденного или приятного. Молчание затягивается...

Мы одновременно тянемся за моей сумкой, и наши руки соприкасаются.

Я отдергиваю ладонь, но уже слишком поздно. Люк уже в моих венах, уже отравляет меня. Заставляет желать всего того, что неправильно, как он всегда и делал.

Глава 2

Тогда

МАЙ 2013

Почти конец учебного года, а дорога перед закусочной похожа на плохо организованный парад — джипы и пикапы, полные детей и досок для сёрфинга; взрывная музыка, которая резко оживает и так же быстро затихает. Это знаменует начало высокого туристического сезона, и следующие три месяца Родос будет наводнен сёрферами и семьями, покупающими мороженое и футболки, бургеры и бензин. Это время, когда большинство местных предпринимателей зарабатывают прибыль, когда город и его жители, кажется, просыпаются от долгой спячки.

Особенно я, хотя в данный момент мне это приносит больше вреда, чем пользы.

— Если бы у нас не было столько посетителей, ты бы была уже уволена, — ворчит Чарли, шеф на раздаче.

Если бы это был кто-то другой, я бы сказала ему, что мой парень наконец-то возвращается домой, но Чарли этого не поймет. Я могла бы сказать ему, что мне поставили смертельный диагноз, но он *все равно* не понял бы.

— Я знаю. Простите. — Я откидываю волосы за плечи и хватаю две тарелки из-под тепловой лампы.

— Не извиняйся, — отвечает он, как обычно, без сочувствия и поворачивается, чтобы переделать заказ, который я неправильно записала. — Просто хватит уже портачить.

Стейси берет тарелки у меня из рук.

— Набожные, второй сектор. Они твои.

Она все время подсовывает мне пожилых тетушек, которые приходят сюда после чтения Библии, так как они скупы на чаевые. Для меня труднее всего выносить их отношение — чопорность и самодовольство, с которыми они напоминают, как мне повезло с этой работой. Как повезло, что пастор с женой — родители Дэнни — приютили меня.

— Удивительно, что ты здесь, — произносит миссис Поффстедер. — Разве Дэнни не приезжает сегодня домой?

Вопрос совершенно простодушный. Однако в тоне нет и следа сердечности. Она дума-

ет, что я слишком взволнована, чтобы работать сегодня. Должна готовиться к приезду. А если бы я *не* работала сегодня, тогда она, вероятно, подумала бы, что я лентяйка. Им не угодишь.

— Сегодня вечером, — ответила я. — У меня полно времени.

— Мисс Донна сказала, что он приедет домой с другом.

Я выдавливаю улыбку.

— Да, с Люком.

Думаю, они собираются заняться сёрфингом. Люк Тейлор, товарищ Дэнни по команде, показался мне очень приятным парнем во время нашего единственного разговора. Я знаю, что его стипендия не покрывает расходы на жилье летом, но совсем не хочу, чтобы мое с Дэнни лето украл какой-то друг из колледжа, у которого другие приоритеты. Моя общественная жизнь за последний год полностью вращалась вокруг церкви — пение в хоре, помощь Донне с мероприятиями, — поэтому мне кажется, я не прошу слишком многого, желая, чтобы Дэнни чуточку времени посвятил мне. На самом деле я надеюсь, что Люк не планирует оставаться.

— Я думала, к этому времени он уже найдет себе девушку из колледжа, — произносит миссис Майлз. — Но я полагаю, для тебя все пока хорошо складывается. Как же благородно поступил пастор, приняв тебя вот так.

Меня не волнуют ее намеки на то, что Дэнни может добиться большего, чем я, — это мнение я разделяю. Меня напрягает подтекст. «Надо быть более благодарной, Джулиет. Где бы ты была, если бы не они, Джулиет? Докажи, что ты достойна той благосклонности, которую они тебе оказали, Джулиет».

— Да, благородно. — Я достаю блокнот. — Что могу предложить вам из напитков?

Они выглядят разочарованными, но заказывают чай со льдом. Я знаю, чего им хотелось, — каких-то слов благодарности с моей стороны. Им хотелось, чтобы я ударила себя в грудь, упала ниц, признала, что я отброс и всегда буду отбросом, который не достоин ничего из того, что мне досталось. Людям хочется, чтобы благотворительность совершали только по отношению к тем, кто знает свое место.

А я *благодарна* — чуть больше года назад я не могла сделать и сэндвич, не повредив плечо. Я изначально не могла надеяться, что у меня вообще будут ингредиенты для сэндвича.

Но есть что-то в этих постоянных требованиях проявлять благодарность от людей, которые ради меня никогда и пальцем не пошевелили, что будто замораживает изнутри. Я благодарю Донну каждый божий вечер. Но благодарить этих стерв из церкви? Ну уж нет.

Я приношу им напитки и принимаю заказ. Они замолкают каждый раз, когда я прибли-

жаюсь к их столу, что не удивительно. Они отложили Библии и приступили к любимой теме — насколько больше меня добьется Дэнни в жизни и сколько несчастий я ему принесу. Меня охватывает невероятное облегчение, когда они наконец уходят.

Я убираю их стол — один доллар на чай при чеке в двадцать пять, тоже неудивительно. Я поднимаю поднос, когда снова звенит колокольчик над дверью. Входит задумчивый красивый парень — блондин с волевым подбородком, улыбающийся мне так, будто я его самая большая драгоценность на свете. Он сменил шикарный блейзер из частной школы на шорты и футболку с логотипом футбольной команды Калифорнийского университета в Сан-Диего — UCSD. Но он все тот же идеальный подросток из диснеевских фильмов, каким был, когда я его впервые увидела на втором курсе. Он до сих пор выглядит слишком круто для меня. Но каким-то образом он мой.

— Дэнни! — визжу я, с грохотом роняя поднос, и бегу через всю закусочную, чтобы обвить его шею руками.

Он всего секунду крепко меня сжимает и аккуратно отстраняется. Он неохотно проявляет чувства, и его сложно в этом упрекнуть. Поскольку он — сын пастора в маленьком городке, каждый его шаг будут подробно обсуждать... И скорее всего, с его родителями.